

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Шохиной Елены Викторовны «Семантика времен года в поэзии пушкинской поры», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Актуальность диссертационного исследования Е.В.Шохиной обуславливается рубежной позицией первой трети XIX столетия в русской лирике. Обобщающая и синтезирующая роль этой эпохи в отношении большинства накопленных поэзией инструментов и мотивов была определена ее магистральным вектором: творчеством А.С. Пушкина и т. н. «пушкинской плеяды»: П.А. Вяземского, А.А. Дельвига, Н.М. Языкова, Е.А. Баратынского и нек. др. При всех, даже принципиальных коррекциях пушкинской поэтической модели во второй половине XIX столетия и на рубеже веков, в лирике символизма и акмеизма, именно она оставалась стержнем русской поэтической рефлексии и поэтического дискурса.

В этом контексте абсолютно логичным выглядит выбор в качестве предмета исследования лирики, посвященной временам года. С одной стороны, еще в предпушкинскую эпоху, в частности в поэзии Н.М. Карамзина, заимствованный из европейской пантеистической традиции образ годового природного круговорота стал одним из главных средств поэтического выражения исчерпывающей картины мироздания. С другой стороны, именно образы природных и прежде всего сезонных смен выступали едва ли не первичными формами осознания лирическим героем своей жизни во времени – а в пушкинскую эпоху, и прежде всего в творчестве самого Пушкина, уже они сами явились предметами переосмысления.

В таком контексте **научная новизна** исследования видится в своего рода «тезаурусном» сведении и систематизации мотивов, с помощью которых поэзия первой трети XIX века либо отражает свое восприятие

годовых смен, либо рефлексировать свою жизнь и ее ключевые составляющие (юность, любовь, разлуку, старость, смерть) сквозь их призму. Исследователь приводит максимально полный ряд орнитологических, флористических, погодных и других образов, обслуживающих эти поэтические стратегии первой трети XIX века.

Однако наиболее принципиальными достижениями работы видятся в системном описании семантики времен года в собственно «пушкинском» направлении лирики – как средства и как предмета изображения. Весьма плодотворно выглядит предпосылка автора об источнике взаимосвязи этих двух аспектов в лирике сентиментализма, где пейзаж впервые начинает выступать «в качестве субъекта психоидеологического акта, природа не только существует для человека, но и становится похожей на человека» (Дисс., с. 106).

Весьма результативным выглядит анализ «зимней» линии в поэзии пушкинской плеяды. В качестве предмета изображения, как показывается в работе, зима в поэзии пушкинской плеяды реализует свои национальные смысловые коннотации. Наиболее развернуто – в творчестве П.А. Вяземского, где семантика зимы как русского состояния природы программно утверждается в целом ряде циклов. Ассоциативной связью между зимой и национальным характером обусловлена ее фольклорная / народная топика: зима предстает у Вяземского как *русская молодка, раскрасавица-душа, матушка, и т. п.*

В то же время актуализация «сыновних» отношений россиян к зиме, в том числе у Дельвига и Языкова, приводит в лирике Вяземского, в том числе и 1840-х годов, к тому, что зима задает и определяет не только душевное состояние, но и духовную судьбу лирического героя (Дисс., с. 15, 20-21). Особым, «переходным» состоянием зимней природы, осуществляющим ее «родовую» роль в отношении русского естества и судьбы выступает у Вяземского хронотоп ночной метели / выюги (Дисс., с. 28). Именно эти «национальнообразующие» значения зимы и зимней бури

суммируются, очевидно в пушкинской элегии «Бесы» (1830). Важны наблюдения диссертанта об образно-мотивных предвестиях этой линии «зимней» темы пушкинской плеяды в поэзии К.Н. Батюшкова (Дисс., с. 17).

Не менее принципиальны описания диссертантом «иносказательных» значений зимы в лирике Пушкина и пушкинской плеяды. Речь идет о связи образа зимы с мотивом пустоты. Как показывается в работе, образы морской или пустынной бури, выступая своего рода мотивные «претекстами» метели, наделяют ее значением Божественного откровения. Поэзия Вяземского превращает подтекст этих подобий в текст, уподобляя снежную езду кибитке плаванью по морю (Дисс., с. 18-20). Добавим от себя, что эта метафора получит новое значение в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836), в эпизоде совместной езды Гринева и Пугачева к разбойничьему притону.

В анализе зимних образов как средства выражения диссертант опять-таки обнаруживает прямые либо опосредованные предвестия «пушкинской» поэтической линии. Это, в частности, мотив смены зимы (Борей) весной как метафора воцарения нового, благодетельного монарха (Дисс., с. 16-17). Отметим, однако, что Державин наследует этот мотив из русской хвалебной оды барочного классицизма середины XVIII столетия и прежде всего оды М.В. Ломоносова.

Весьма интересны и убедительны наблюдения диссертанта о лирических образах лета как средствах выражения негативных значений любви в лирике Пушкина – в противовес жизнотворной «зимней» любви, чей провиденциальный характер обусловлен описанными выше значениями зимы. Как показывает диссертант, летние романы разочаровывают лирического субъекта или могут обратиться «ловушкой судьбы» («К Наташе», «Леда»), что, в частности, связано с «русалочьими» мотивами любви как фатального искушения. Кроме того, «обреченной» летнюю любовь делает у Пушкина присущие лету и довлеющие друг другу

физическое изнурение и душевное пресыщение, что развернуто утверждается в пушкинской «Осени» (Дисс., с. 85-86). Как можно увидеть из материала и результатов исследования, функции летних образов как предмета и средства выражения отчасти накладываются у Пушкина друг на друга.

Эти смысловые обертоны лета, как показывает диссертант, переходят у Пушкина в новое качество в «Евгении Онегине». Экспозиционный летний облик дядиного дома и поместья, явившийся заглавному герою; происходящие летом его знакомства с Ленским и Татьяной, - а равно и переживание последней своей безответной любви (во II-IV главах) наделяют «негатив» летней любви эпическим, национально-бытийным измерением.

Методология работы обусловлена ее фактической целью: выделить наиболее общие и потому систематически воспроизводящиеся лирические значения времен года в рамках не того или иного поэтического направления, а эпохи, в которой эти направления друг другу наследуют либо противостоят.

Теоретическая значимость работы видится в доказанном на материале русской поэзии первой трети XIX века базового, универсального характера лирических значений времен года как предметов и средств поэтической рефлексии. Универсальный подход к описанию топики времен года фактически представляет ее отражением общелитературного сознания эпохи, в котором отчасти нейтрализуются различия отдельных поэтических традиций.

Практическая значимость работы определяется возможностями использования ее результатов и обозначенных ими перспектив в общих курсах и спецкурсах по истории и теории литературы вообще и поэзии в частности, - а также в научном анализе и научно комментированном издании отдельных представителей русской поэзии первой трети XIX в.

Как почти любая работа, претендующая на масштабный охват материала и проблематики, работа Е.В. Шохиной несвободна от недочетов, которые в данном случае, как и во многих аналогичных, выступают очевидными продолжениями ее достоинств. Так, исследователь почти не стремится использовать предоставляемые материалом (и результатами его анализа) возможности разграничения пушкинской поэтической стратегии (отраженной в заглавии работы, которая, однако, по привлекаемому материалу хронологически выходит за эти рамки) и сосуществующих с нею поэтических линий. Прежде всего - подробно рассматриваемого в диссертации романтизма В.А. Жуковского (Дисс., с. 53, 56 и далее), чьи поэтические позиции не только не подобны пушкинским, но способны проявить их «от противного». Это редукция мировосприятия - и его универсальность; ущербность земного мира в сравнении с «иным» - и его совершенство; отсутствие либо факультативность усадебного локуса - и его апология; дистанцирование от эпикурейской составляющей бытия - и приверженность ей, во многом инициированная тем же усадебным локусом; уход от античной жанровой парадигмы - и глубоко осознаваемая «родовая» связь с нею; бегство в природу как отражение внутреннего «я» - и национальная (а иногда и героическая) маркировка той же Природы, идущая от эпической поэзии минувшего века и связывающая поэта с социумом и народом. Диссертант подробно и точно описывает связанные с Татьяной элементы романтического (лунного) пейзажа Жуковского в «Евгении Онегине» (Дисс., с. 99), которые, однако, проявляют еще одно отличие двух поэтических ключей. Реминисцентное указание в разбираемом эпизоде на поэзию и поэтику Жуковского представляют ее как своего рода цитируемое «чужое слово». Т.о., Пушкин осознает свой поэтический опыт как исторический опыт русской поэзии, что очевидно, лежит в основе присущих лирике Пушкина и довлеющих друг другу иронии и самоиронии. Однако это не столько недостатки работы, сколько перспективы ее возможного продолжения.

Работа Е.В. Шохиной прошла серьезную апробацию; автореферат и вышедшие к моменту защиты публикации полностью отражают ее содержание. Представленное к защите диссертационное исследование Е.В. Шохиной является завершенной научно-квалификационной работой, в которой поставлена и успешно решена важная проблема современной литературной науки. Диссертация отвечает требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 г., а ее автор, Елена Викторовна Шохина, безусловно заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент:

Иваницкий Александр Ильич
доктор филологических наук
(научная специальность 10.01.01 –

Русская литература),
ведущий научный сотрудник

Института высших гуманитарных
исследований ФГБОУ ВО

«Российский государственный
гуманитарный университет».

Адрес: 125993, ГСП-3, г. Москва,
Миусская площадь, д. 6

Тел.: 8(967)2641375

Электронная почта: meisster@mail.ru

1 декабря 2017 года

Сторниев А.И. Иванушко удостоверяю подлинность копии
Заместитель начальника Управления

05.12.2017г.